

Анюта

В самом дешевом номерке меблированных комнат Лиссабон из угла в угол ходил студент-медик 3-го курса, Степан Клочков, и усердно зубрил свою медицину. От неустанной, напряженной зубрячки у него пересохло во рту и выступил на лбу пот.

У окна, подернутого у краев ледяными узорами, сидела на табурете его жилища, Анюта, маленькая, худенькая брюнетка лет 25-ти, очень бледная, с кроткими серыми глазами. Согнувши спину, она вышивала красными нитками по воротнику мужской сорочки. Работа была спешная... Коридорные часы сипло пробили два пополудни, а в номерке еще не было убрано. Скомканное одеяло, разбросанные подушки, книги, платье, большой грязный таз, наполненный мыльными помоями, в которых плавали окурки, сор на полу всё, казалось, было свалено в одну кучу, нарочно перемешано, скомкано...

Правое легкое состоит из трех долей... зубрил Клочков. Границы! Верхняя доля на передней стенке груди достигает до 4 5 ребер, на боковой поверхности до 4-го ребра... назади до *spina scapulae*1...

Клочков, силясь представить себе только что прочитанное, поднял глаза к потолку. Не получив ясного представления, он стал прощупывать у себя сквозь жилетку верхние ребра.

Эти ребра похожи на рояльные клавиши, сказал он. Чтобы не спутаться в счете, к ним непременно нужно привыкнуть. Придется поштудировать на скелете и на живом человеке... А ну-ка, Анюта, дай-ка я ориентируюсь!

Анюта оставила вышивание, сняла кофточку и выпрямилась. Клочков сел против нее, нахмурился и стал считать ее ребра.

Гм... Первое ребро не прощупывается... Оно за ключицей... Вот это будет второе ребро... Так-с... Это вот третье... Это вот четвертое.... Гм.... Так-с... Что ты жмешься?

У вас пальцы холодные!

Ну, ну... не умрешь, не вертись... Стало быть, это третье ребро, а это четвертое... Тощая ты такая на вид, а ребра едва прощупываются. Это второе... это третье... Нет, этак спутаешься и не представишь себе ясно... Придется нарисовать. Где мой уголек?

Клочков взял уголек и начертил им на груди у Анюты несколько параллельных линий, соответствующих ребрам.

Превосходно. Всё, как на ладони... Ну-с, а теперь и постучать можно.

Встань-ка!

Анюта встала и подняла подбородок. Клочков занялся выстукиванием и так

погрузился в это занятие, что не заметил, как губы, нос и пальцы у Анюты посинели от холода. Анюта дрожала и боялась, что медик, заметив ее дрожь, перестанет чертить углем и стучать, и потом, пожалуй, дурно сдаст экзамен. Теперь всё ясно, сказал Клочков, перестав стучать. Ты сиди так и не стирай угля, а я пока подзубрю еще немножко.

И медик опять стал ходить и зубрить. Анюта, точно татуированная, с черными полосами на груди, съездившись от холода, сидела и думала. Она говорила вообще очень мало, всегда молчала и всё думала, думала...

За все шесть-семь лет ее шатания по меблированным комнатам, таких, как Клочков, знала она человек пять. Теперь все они уже покончили курсы, вышли в люди и, конечно, как порядочные люди, давно уже забыли ее. Один из них живет в Париже, два докторами, четвертый художник, а пятый даже, говорят, уже профессор. Клочков шестой... Скоро и этот кончит курс, выйдет в люди. Несомненно, будущее прекрасно, и из Клочкова, вероятно, выйдет большой человек, но настоящее совсем плохо: у Клочкова нет табаку, нет чаю, и сахару осталось четыре кусочка. Нужно как можно скорее оканчивать вышивание, нести к заказчице и потом купить на полученный четвертак и чаю и табаку. Можно войти? слышалось за дверью.

Анюта быстро накинула себе на плечи шерстяной платок. Вошел художник Фетисов.

А я к вам с просьбой, начал он, обращаясь к Клочкову и зверски глядя из-под нависших на лоб волос. Сделайте одолжение, одолжите мне вашу прекрасную девицу часика на два! Пишу, видите ли, картину, а без натурщицы никак нельзя!

Ах, с удовольствием! согласился Клочков. Ступай, Анюта.

Чего я там не видела! тихо проговорила Анюта.

Ну, полно! Человек для искусства просит, а не для пустяков каких-нибудь. Отчего не помочь, если можешь?

Анюта стала одеваться.

А что вы пишете? спросил Клочков.

Психею. Хороший сюжет, да всё как-то не выходит; приходится всё с разных натурщиц писать. Вчера писал одну с синими ногами. Почему, спрашиваю, у тебя синие ноги? Это, говорит, чулки линяют. А вы всё зубрите! Счастливый человек, терпение есть.

Медицина такая штука, что никак нельзя без зубрячки.

Гм... Извините, Клочков, но вы ужасно по-свински живете! Чёрт знает как живете!

То есть как? Иначе нельзя жить... От бабки я получаю только двенадцать в месяц, а на эти деньги мудрено жить порядочно.

Так-то так... сказал художник и брезгливо поморщился, но можно все-таки

лучше жить... Развитой человек обязательно должен быть эстетиком. Не правда ли? А у вас тут чёрт знает что! Постель не прибрана, помои, сор... вчерашняя каша на тарелке... тьфу!

Это правда, сказал медик и сконфузился, но Анюте некогда было сегодня убрать. Всё время занята.

Когда художник и Анюта вышли, Клочков лег на диван и стал зубрить лежа, потом нечаянно уснул и, проснувшись через час, подпер голову кулаками и мрачно задумался. Ему вспомнились слова художника о том, что развитой человек обязательно должен быть эстетиком, и его обстановка в самом деле казалась ему теперь противной, отталкивающей. Он точно бы провидел умственным оком то свое будущее, когда он будет принимать своих больных в кабинете, пить чай в просторной столовой, в обществе жены, порядочной женщины, и теперь этот таз с помоями, в котором плавали окурки, имел вид до невероятия гадкий. Анюта тоже представлялась некрасивой, неряшливой, жалкой... И он решил расстаться с ней, немедленно, во что бы то ни стало.

Когда она, вернувшись от художника, снимала шубу, он поднялся и сказал ей серьезно:

Вот что, моя милая... Садись и выслушай. Нам нужно расстаться! Одним словом, жить с тобою я больше не желаю.

Анюта вернулась от художника такая утомленная, изнеможенная. Лицо у нее от долгого стояния на натуре осунулось, похудело, и подбородок стал острей. В ответ на слова медика она ничего не сказала, и только губы у нее задрожали.

Согласись, что рано или поздно нам всё равно пришлось бы расстаться, сказал медик. Ты хорошая, добрая, и ты не глупая, ты поймешь...

Анюта опять надела шубу, молча завернула свое вышиванье в бумагу, собрала нитки, иголки; сверток с четырьмя кусочками сахара нашла на окне и положила на столе возле книг.

Это ваше... сахар... тихо сказала она и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

Ну, что же ты плачешь? спросил Клочков.

Он прошелся по комнате в смущении и сказал:

Странная ты, право... Сама ведь знаешь, что нам необходимо расстаться. Не век же нам быть вместе.

Она уже забрала все свои узелки и уже повернулась к нему, чтобы проститься, и ему стало жаль ее.

Разве пусть еще одну неделю поживет здесь? подумал он. В самом деле, пусть еще поживет, а через неделю я велю ей уйти.

И, досадуя на свою бесхарактерность, он крикнул ей сурово:

Ну, что же стоишь? Уходить, так уходить, а не хочешь, так снимай шубу и оставайся! Оставайся!

Анюта сняла шубу, молча, потихоньку, потом высморкалась, тоже потихоньку, вздохнула и бесшумно направилась к своей постоянной позиции к табурету у окна.

Студент потянул к себе учебник и опять заходил из угла в угол.

Правое легкое состоит из трех долей... зубрил он. Верхняя доля на передней стенке груди достигает до 45 ребер...

А в коридоре кто-то кричал во всё горло:

Грригорий, самовар!

до ости лопатки (лат.).